

Душа — имя существительное

ГАЛИНА ВОЛЧЕК РУКОВОДИТ
«СОВРЕМЕННОМ» ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА
ИЗ ЕГО ПЯТИДЕСЯТИ

В очереди за билетами в «Современник» знакомились и спорили, зубрили и влюблялись

ЦЕННОСТИ

Марина ТОКАРЕВА

Апрельской ночью 1956 года Олег Ефремов с группой молодых артистов показал в филиале МХАТа спектакль «Вечно живые». С него начался «Современник». Он наступил как акт гражданского состояния, стал для страны тех лет вместе с «Таганкой», эфросовскими «Ленкомом» и «Бронной» чем-то большим, чем театр. Для властей — очернитель действительности, для зрителей — источник озона. И назвался по праву: каждым спектаклем влиял на зал, значит, на время.

Здание на площади Маяковского связано с именем Олега Ефремова, вожака, лидера, учителя. А на Чистые пруды выплыл уже корабль под водительством Галины Волчек. И хотя Волчек утверждает, что «вспоминать» не активный глагол, с кем, как не с ней, говорить о «Современнике», которому завтра исполняется пятьдесят?

Вырастить ведьму в своем коллективе

— Галина Борисовна, участникам знаменитой ночи 15 апреля 1956 года тогда уже было понятно, что именно начинается?

— Конечно, нет! Но эта ночь и эти сто человек, первых наших зрителей, решили наше будущее.

Все получилось абсолютно стихийно. У нас не было никакого статуса, не было никакой

не ушли! Они потребовали обсуждения. Какой это был разговор! Нам говорили: «Вы не имеете права расстаться! Мы знаем, что вам трудно, что у вас нет помещения, но вы не имеете права предать ваших зрителей, вы должны продолжать!» Эти люди дали нам такой человеческий, энергетический, гражданский заряд, которого хватило на полвека.

Потом, конечно, все пытались остричь: дескать, им некуда было деваться, метро закрыли!

— Потому и день рождения театра спустя полвека вы решили праздновать без «винов» — со зрителями?

— Да, с теми, кто во времена наших взлетов, падений, поражений и успехов, потерь и разочарований оставался с нами и помогал «Современнику» — быть. В фойе весь этот год стояли большие стеклянные кубы, и в них, вступая с нами в диалог, зрители опускали записки и письма. Мы их прочли, отобрали самые существенные, и можем сказать: 15 апреля гостями «Современника» будут не «медийные лица», как это сейчас принято, не родственники, не сотрудники, а верные друзья, без которых мы бы не выжили.

— Вы называете Олега Ефремова своим учителем. Чему он вас научил?

— Он научил нас всех и меня, в частности, быть абсолютно идейными и доказательными в этой идее. Он потом говорил про меня: Галя даже более партийная, чем я. Хотя я никогда не была членом никакой партии, кроме одной — партии психологического, развивающегося в разнообразных формах театра. Ефремов научил меня той интонации в искусстве (не побоюсь высокого слова), которая идет прямо от органа, который у нас

почти сектой и уговаривал всех — для рабства — испытать себя в режиссуре, выразить, как говорится в известном фильме, ведьму в своем коллективе.

«Современник» тогда находился в периоде первобытного коммунизма, мы все и всех обсуждали в труппе — без исключения — с точки зрения актерского, гражданского, человеческого роста. «Объект» выходил за дверь, а мы высказывались. Потом наше суммированное мнение обсуждаемый узнавал от Ефремова.

— Протоколы собраний и художественных лет находятся сегодня в закрытом фонде ЦГАЛИ. Судя по всему, это были жестокие игры?

— Да, это было очень болезненно, но во многом полезно. Голосовалось все: от размеров наших крошечных зарплат до самого главного — имеет ли человек право оставаться в труппе. Четверо из нас были за полгода предупреждены: поставлены, как сейчас сказали бы, «на лист ожидания». Они — Любшин, Зина Зиновьева и другие — взялись переубедить остальных. Я тогда была беременна, на сцену выходить уже не могла, и меня попросили помочь на репетициях: «Ты все равно свободна, так посиди на стуле, хоть со стороны посмотришь...» И вот я сидела, смотрела...

— И высидели судьбу?

— Да, получилось, что так. Мы репетировали «Пять вечеров» Володина, в конце сезона показали нашу работу, и мое человеческое тщеславие было удовлетворено: никого не уволили. Ефремов включил этот спектакль в репертуар, и он шел — беспрецедентный случай — в очередь с его собственной постановкой. Так это началось.

— Шестидесятые стали для вас десятилетием удач: «Двое на качелях» — один из луч-

казалось: стены театра на глазах пошли трещинами. Нас предавали, мазали черной краской. Я часто вспоминаю, как Фаина Георгиевна Раневская говорила: «Я устала уставать...»

— Но много позже Ефремов на одном из ваших юбилеев вышел на сцену и сказал: «Галя на единственно верном пути. А мы все — нет!» Эти слова стали его первой публичной оценкой происшедшего, своего рода поступком...

— Да, никаким вруна, пытающимся писать нашу историю, уже не удастся стереть ту пленку. И какие надо было иметь силу и мужество, чтобы сказать все то, что он тогда сказал...

Без Ефремова

«Учитель» называли его со сцены, «фюрер» — за кулисами. Умел быть беспощадным... даже без слов. Умел быть пристрастным, объективным, расчетливым, безрассудным — широк был так, что невозможно сузить.

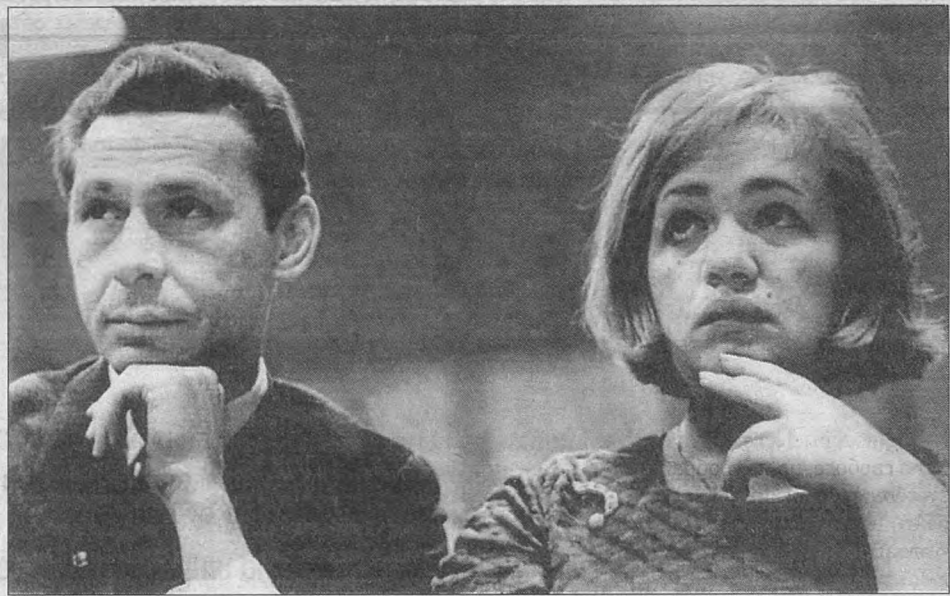
Во глубине советских руд не было вожжа столь бесспорного. Вот почему так трудно было пережить не раскол коллектива — раскол веры.

Не студию и лабораторию бросил Ефремов — кафедру, храм, общак.

Со своим толстовским беспокойством, страстями, разгульной натурой, сухой иронией и аристократической естественностью Олег Ефремов, уйдя из «Современника», больше, похоже, никогда не был счастлив.

— За то, чтобы именно вы стали художественным руководителем театра, тридцать четыре года назад проголосовала вся труппа...

— ...они не проголосовали, они приговорили! Они мне орал из зала: «Мы тебе будем помогать, не бойся!» Потом я много раз это вспоминала.

Галина Волчек и Олег Ефремов: идет репетиция

ших спектаклей о любви. Не забыть «Обыкновенной истории», вопля Адуева-младшего (Табакова): «Поясница!!!», — поразительных актерских работ в «На дне»...

— Да, когда меня спрашивают об Олеге Павловиче Табакове, я говорю: про Олега Павловича ничего не могу рассказать, жизнь нас развела. А вот про Лелика Табакова, который был куском моего сердца, моих мозгов, могу рассказать много. Про мальчика, за которого его мама, Марья Андреевна, уникальная была женщина, просила меня (я в одном спектакле сыграла его мать): «Галичка, Лелик ведь совсем один в чужом городе, уж вы его не бросайте...»

— Четырнадцать лет «Современник» был ефремовским. Даже и сегодня, после многих потерь, кажется, что уход Олега Николаевича во МХАТ — один из роковых театральных перекрестков той эпохи. Раскол труппы, разброд, искушения — мало какой театр оправился бы от подобной катастрофы. А «Современник» сумел. Что помогло? — Не знаю. Мне и сегодня кажется, что пережить это было невозможно. Мы остались одни на пустыре. Уходили люди, самые необходимые, рушился репертуар. История «Современника» тех лет — нескончаемый девятый вал.

— С тех пор «Современник» — театр Галины Волчек. Что входит в роль «главного» для вас? — Все! Прежде всего — терпение.

— На что его расходуете — на артистов? — На артистов, на все, что внутри театра, — от и до.

Я очень люблю Москву, люблю свой дом, у меня никогда не было даже мысли покинуть страну. Но когда вспоминаю какие-то моменты счастья, они часто связаны с минутами, когда я была не здесь. Объяснение одно: оказываясь за границей, я удалялась от источника отрицательных эмоций, с которыми связан театр. Не потому, что театр плохой — из-за моего гипертрофированного чувства ответственности, долга. Когда-то мы имели наглость (или смелость) называться «Современником», и это надо было каждый сезон подтверждать.

— Главный режиссер — одинокая профессия?

— Безусловно. Профессия обидчика в любом случае. Кто-то всегда недоволен. Самое трудное научиться говорить «нет». И артистам. И себе. И не только артистам. И не только себе. «Нет» — это всегда сложно.

Окончание на стр. 40

«Учитель» называли его со сцены, «фюрер» — за кулисами. Умел быть беспощадным... даже без слов. Умел быть пристрастным, объективным, расчетливым, безрассудным — широк был так, что невозможно сузить

возможности даже дать знать о своем существовании, мы стеснялись звать людей... Студия была свободна только по ночам, и нам позволили сыграть в ней спектакль. Но сарафанное радио так работало! И набилось столько народу!

Подмостки маленькие, тряпичный занавес чуть не на проволоке, мы, не занятые в сцене, из-за него подглядываем за зрителями, как реагируют...

Спектакль закончился около трех ночи, мы поклонялись так по-домашнему, а зрители...

слева, к такому же точно — в зрительном зале. Душа для меня — существительное...

— В том смысле, что существует?

— Во всех!

— Вы учились «на актрису». Как началась для вас режиссура?

— Почти случайно. В мои планы никогда не входило предавать профессию, к которой я так стремилась. Но в первые годы «Современника» еще не был выработан код взаимопонимания, Ефремов боялся нарушить тот сговор, который нас объединял, делал